

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

НАТАША

РАССКАЗ

Специальность у меня, как говорят, видная. Я радиотехник. Частенько бываю в разных домах, многое вижу и слышу.

Как-то прихожу на работу, а мне дают адрес и говорят:

— Ты, Коля, сходи вечером вот по этому адресу. Там что-то телевизор брахлаит.

— Ладно, — говорю, — схожу.

И вот я поднимаюсь по лестнице. Дверь мне открыла молодая женщина.

— Вы к кому?

— К вам, кажется... по вызову...

— А... Проходите, проходите.

Прошел в комнату. В глаза бросается чистота, уют, хотя обстановку самую простенькую. Из мебели самым интересным был огромный шкаф с книгами. Я подлюбопытствовал:

— Скажите, пожалуйста, это ваши книги? — Конечно, я сразу понял всю нелепость сказанного, но она улыбнулась и как-то просто ответила:

— Нет. Это книги моего покойного мужа...

Мне стало неудобно перед этой женщиной. Пока я подготавливал телевизор к ремонту, успел украдкой взглянуть на нее. Женщина она была самая обыкновенная. Волосы каштанового цвета, прямой маленький нос, карие грустные глаза. Она ими смотрела открыто и, вроде, удивленно.

— Что это вы меня так разглядываете?

— Первый раз вижу, вот и смотрю.

В это время в комнату бежала девочка лет пяти. Белокурая, кудрявая — она сразу мне понравилась.

— Мама, а кто этот дяденька?

— Он, Наташа, мастер. Телевизор пришел починять.

— А можно к нему походить?

Не дожидаясь согласия матери, это крохотное существо пододвинуло стул ближе к столу и стало разглядывать непонятные штучки.

— Ой, сколько тут конфеток!.. Дядя, как вас зовут?

— Дядя Коля, — отвечаю.

— Дядя Коля, можно взять одну конфетку?

— Нет, — говорю, — нельзя. Это, Наташа, не конфеты.

— Фи-и... — протянула она разочарованным голосом.

Я достал из кармана настоящую конфетку и подал ей. Она с радостью взяла ее и начала разглядывать бумажку. Телевизор ей больше был не нужен.

— Спасибо, дядя Коля... А я в садик хожу... Уже до десяти считать умею...

Мать стояла и грустно наблюдала за дочкой. Видно, она очень любила Наташу. Потому что смотрела на нее с такой лаской, что я подумал: «Какое это счастье растить вот такое крохотное существо». А она продолжала лепетать:

— У нас в садике есть один мальчик — Миша. Он нехороший — дерется. Его сегодня нянечка в угол поставила, а он стоит и стенку ковыряет. А вы знаете как мою маму звать? Нет? Нина Яковлевна, вот как. У меня мама самая красивая. Правда, мама?

Нина Яковлевна посмотрела на дочь и засмеялась:

— Правда, Наташа, — и, обращаясь ко мне: — Для детей своя мама всегда самая хорошая!

Я устранил неисправность. Нина Яковлевна обрадовалась:

— Уже сделали? Вот хорошо-то как! А то мы привыкли к телевизору, и без него как-то скучно. Садитесь с нами чай пить.

Произнесла она это так

Евг. БУРАВЛЕВ

Промашка

Я входил в эту комнату без стеснения и страха. Здесь всегда поднакурено, здесь все новости дня, здесь работал редактор Аляша Рубаха, что мечтал журналиста создать из меня.

Он в тот день приказал: — Есть одна мотористка. У бетонщиков.

Любушкой, кажется, звать.

Дай-ка в завтрашний номер статью строк на триста.

К марту, сам понимаешь, нельзя нам зевать...

Он отличнейший парень — душа нараспашку.

В ней вмещались весь мир и любовь ко всему.

Но не знал мой редактор, какую он сделал промашку,

доверяя ту тему перу моему.

Я работал, как вол, — липла к ребрам

рубашка, — позалаяпан бетоном,

седой от цементной муки —

лайсотрудник строительной

многотиражки

и вчерашний бетонщик

первой руки.

Мы едва поспевали замес за замесом

принимать всей бригадой. Но, рисуясь слегка, чуть не лезли из кожи перед нашей принцессой.

А она, недоступна, глядит свысока, а она только бровку надломит надменно, да плечом поведет, да улыбкой сверкнет: ну-ка, мол, посмотри, кто кого же за смену в этом тайном сражении за пояс заткнет?..

Мне не жалко рубашку, Рубаху мне жалко: я задолго до смены уже понимал, что чернявой Любовью — мотористкой с бетономешалки — был прямым попаданием сражен наповал.

Я с повинной к Рубахе пришел после смены: — Знаешь, Леша, как хочешь меня назови: ни статьи, ни заметки — сам вырвался чудом из плена.

Если хочешь, бери вот стихи о любви...

Было все: и проклятья, и даже угрозы «закатать строгача» за срыв номера мне.

Но хватился Рубаха, увы, слишком поздно: я вернулся в бригаду — и счастлив вполне.

мягко и так просто, что я согласился. Удивительно было приятно сидеть за столом в таком непривычном для меня обществе. После чая Наташа повела меня посмотреть ее книжки.

— Дядя Коля, вот в этой книге мне сказку прочитайте. — И она показала на томик Маршака. — Про двенадцать месяцев.

Я улыбнулся ей и сел на диван. Наташа, не долго думая, забралась ко мне на колени.

— Дядя Коля. А вы сейчас пойдете?

— Конечно, Наташа.

— А вы не уходите. Мама, не пускай дядю Колю домой. Он такой хороший.

Мы с Ниной Яковлевной даже рты открыли. Затем Нина Яковлевна строго посмотрела на Наташу.

...Однажды на улице совсем неожиданно я столкнулся с Ниной Яковлевной.

— Здравствуйте, дядя Коля! — И она замаялась.

— Здравствуйте, Нина Яковлевна.

Разговорившись, мы незаметно дошли до детского сада за Наташей, которую любили, наверное, одинаково.

Р. КАРАБЧАКОВ.

Очередное занятие литературной группы состоится в среду, 15 февраля, в 6 час. вечера.

НОВЫЙ ДОМ

Сдаст досрочно строитель дом.

Какое счастье быть в нем жильцом!

Тут кухня, ванна и туалет.

В просторе комнат тепло и свет.

С веселым шумом жильцы придут.

И вместе с ними придет уют.

А рядом снова поднялся кран.

Стоит огромный, как великан.

Какая сила! Какой размах!

Здесь тоже скоро будут дома.

Зажгутся окна светом огней

Во все громадные пять этажей.

В них тоже будет тепло, уют.

В них тоже скоро жильцы придут.

Шахтер, водитель и педагог —

Все те, кто чем-то строить помог.

Ты строишь здание, будь уголь я,

Мы все — большая одна семья.

К единой цели мы идем.

Куюм, строгаем и строим дом.

И славим песней, славим трудом

Наш дом советский, где мы живем.

Ю. ОКУНЕВ.

ПРОСЬБА

Сатирический рассказ

Антон Петрович Караськин, испачканный, насквозь промокший, в новой фетровой шляпе, взглянул на открывшую ему дверь молодую женщину и, почувствовав, что это именно та, которая ему в эту минуту нужна, кашлянул. Он не обращал внимания на то, что его маленький детский носик, точно в пуховике утонувший между щечками, слезился, вероятно, от холодной дождливой осенней погоды. Обтер о пальто руки, снял шляпу, отчего мокрые волосы упали на лоб и повисли темными сосульками.

— Я к вам... э-э-э... я к вам... Извините, пожалуйста, но обстоятельства таковы, что... Нет, нет, нет! Не приглашайте меня... пожалуйста... Я быстро... У меня совсем немного...

Караськин попытался улыбнуться, но это было похоже скорее на попытку заплакать. На его лице бы-

ло изображено что-то мученическое и жалкое. Казалось, он не спал несколько ночей, терзаемый какими-то неприятностями.

— Я к вам по очень... очень большому делу, точнее с просьбой... Да, с просьбой... Это вопрос моей... Я люблю свою жену... У нас семья... И вот — трагедия...

Глаза Караськина, неходя интересного предмета, бегали по стене, как солнечные зайчики. Языку стало тесно во рту, появилось желание откусить его, а тут еще почувствовал, что промок и что озноб настойчиво растекается по телу, готовый в любую минуту пробраться к зубам и заиграться на них, как на ксилофоне.

— Вы последняя надежда... Честное слово... Я люблю ее... Оттаскайте ее за волосы, будьте добры... Хотите, я на колени стану... Только оттаскайте... С му-

жем она с вашим... Ничего не могу поделать. Припугните ее, я вам всю жизнь благодарен буду...

Стоящая в дверях женщина нервным движением коснулась рукой подбородка, побледила и широко раскрыла глаза. Какая-то сила сковала ее в один момент, точно ее облили холодной водой. Казалось, она перестала понимать, что говорил Караськин, и только смотрела на него большими испуганными глазами.

— Только вы можете спасти... Я вас умоляю... Она у меня молодая... Попугайте ее, если не хотите за волосы оттаскать, ну за уши... как сможете... Что вам стоит?.. У вас есть право и повод. Вы понимаете? Встречаются или, как это называется... Отругайте, постыдите... только помогите... Приходите к нам... Я вам сейчас адрес дам...

Женщина, стоящая в дверях, вдруг все поняла, закрыла глаза и привалилась к косяку. Лицо ее

стало совсем мертвым, и только иногда в дикой пляске дергающийся над правым глазом нерв говорил о жизни. Руки повисли и казались бессильными. Но Караськин был так напряжен, что ничего этого не замечал. Он достал записную книжку, вырвал листок и записал свой адрес.

— Вот, пожалуйста, я вас очень прошу...

Женщина, не отрываясь от косяка, открыла глаза, посмотрела на Караськина взглядом полным до краев своим собственным горем и что-то прошептала.

— Это совсем недалеко, — продолжал взволнованно упрашивать Караськин. — Я вас очень прошу, помогите... Попугайте ее.

И, надев шляпу, Караськин, довольный тем, что завтра, может быть, все уладится, выбежал на улицу.

В. ЧУГУНОВ,
горный мастер шахты
«Томусинская-1-2».

„ЗНАМЯ ШАХТЕРА“

12 февраля 1961 г. 3 стр.

Зимой в лесу

Хорошо побывать в лесу не только летом, но и зимой. Погожий, не очень морозный день. Тишина. Почти бесшумно перелетают с дерева на дерево пернатые обитатели леса — кедровки, синицы, свиристели... Но вдруг: тук, тук, тук — это дятел добывает себе корм. Воздух свеж, дышится легко. А как хорошо прокатиться на лыжах с горы!

Почти каждое воскресенье учащиеся школы № 1 совершают экскурсию в зимний лес. Так они поступили и в прошлый выходной день.

Приятной неожиданностью была встреча с учениками школы № 3. Они тоже не усидели дома — отправились в лес. Быстро развели костер, натянули палатки. Завязался разговор о том, о сем, вспомнили летние походы, поделились своими планами на будущее лето.

Но зимний день короток, пора домой. Легко скользят лыжи, разгорелись лица, зарумянились...

Хорошо прошел выходной, интересно и полезно. Фото В. КУСПЕКОВА.

Нелегко взобраться на такую гору...

Следы на снегу.